

©2016 г.

М.М. КРОМ

ГОСУДАРСТВО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В 2014 г. минуло 30 лет с начала реализации масштабного проекта европейских историков, посвященного происхождению государства Нового времени (*“La genèse de l’État moderne”*). Этот оставшийся почти незамеченным “юбилей”¹ представляет хороший повод для того, чтобы подвести предварительные итоги многолетних усилий исследователей понять природу государства, сформировавшегося на рубеже Средневековья и раннего Нового времени, а также задуматься над тем, насколько предложенные учеными модели и объяснения учитывают специфику различных регионов Европы.

Термин “государство Нового времени” (“модерное государство”)² использовался еще в довоенной историографии, например, в трудах немецких ученых Г. фон Белова, Т. Майера, О. Хинце и др. Как писал в 1931 г. Хинце, «“модерное государство” – это обычное, в том числе и в научном словоупотреблении, обозначение формы нашей публичной жизни в новое время”. Далее историк указывал на неясность и неоднозначность этого понятия, которое содержит в себе нечто большее, чем просто хронологическую привязку. Уже тогда на осмысление феномена современного государства начали влиять идеи Макса Вебера: так, Хинце предлагал видеть в указанном явлении “идеальный тип”³.

Активная разработка проблематики государства Нового времени возобновилась после Второй мировой войны и в 60–70-х годах приобрела широкий международный

Кром Михаил Маркович – доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Лишь Венецианский международный университет провел 3 октября 2014 г. семинар, посвященный этому памятного событию. На семинаре с лекцией “Уникальный опыт Европы: строительство больших государств снизу вверх” выступил бельгийский историк В. Блокманс, который в 1980–1990-х годах был одним из руководителей упомянутого проекта. Информация о семинаре и резюме лекции доступны на сайте VIU: <http://www.univiu.org/shss/open-lectures/902-lectures-2-14>

² Здесь и далее понятие “государство Нового времени” используется как эквивалент принятого в зарубежной историографии термина “модерное государство”. Здесь, однако, нет полного соответствия. Во французской традиции термин “*État moderne*” относится к государству, существовавшему во Франции с конца средневековья до Великой французской революции конца XVIII в. В британской и американской историографии принято выделять в рамках “модерной эпохи” ранний период (*early modern period*), продолжавшийся до начала XIX в. А современные немецкие историки склонны включать в понятие “*Moderner Staat*” не только монархии раннего Нового времени, но и государства XIX–XX вв. (см., например: *Reinhard W. Geschichte des modernen Staates. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München, 2007).

³ *Hintze O. Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte*. 3. Aufl. Göttingen, 1970, S. 470, 474 ff.

размах на фоне растущей популярности веберовской социологической традиции и различных теорий модернизации⁴.

Важной вехой в изучении данной темы стала книга американского медиевиста Дж. Стрэйера “О средневековых истоках государства Нового времени” (1970)⁵. Сама постановка вопроса свидетельствовала о намерении преодолеть традиционный разрыв между Средневековьем и Новым временем и показать формирование государства как длительный, многовековой процесс. Такой подход не был абсолютно новым: еще в 1951 г. В. Нэф писал о зарождении в позднем Средневековье (начиная с XIII в.) “ранних форм современного государства”⁶, но и в 1970-х годах эту позицию разделяли далеко не все медиевисты. Так, Б. Гене подчеркивал своеобразие европейского государства XIV–XV вв. и отказывался видеть в нем всего лишь “переходную форму”⁷.

Хотя эмпирическая база книги Стрэйера ограничена материалом двух стран — Англии и Франции, история которых служила предметом его специальных исследований, выдвинутая им концепция происхождения государства Нового времени заслуживает серьезного внимания. В качестве признаков, указывающих на возникновение такого государства, американский историк назвал: 1) устойчивость в пространстве и во времени; 2) формирование безличных, относительно постоянных политических институций; 3) перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и присвоение государством морального авторитета для поддержки его институциональной структуры и верховенства его законов⁸.

Характерно, что, в отличие от теорий Ч. Тилли и Ж.-Ф. Жене, о которых пойдет речь ниже, в предложенной Дж. Стрэйером концепции генезиса современного государства фактор войны не играет никакой роли: американский медиевист сделал акцент на “мирных” институциях — судах, казначействах, канцеляриях. В течение XII–XIII вв., по его мнению, “базовые элементы государства” появились почти повсюду в Западной Европе⁹.

Хотя Стрэйер не ссылается прямо на Макса Вебера или других социологов, но место, которое в его концепции отведено формированию безличных институций и лояльности подданных как необходимой основе государства, позволяет говорить о влиянии веберовской традиции на взгляды американского медиевиста. А с популярными в 50–60-х годах теориями модернизации работу Стрэйера сближает европоцентризм и вера в безграничные возможности культурной и институциональной диффузии. По убеждению историка, европейское государство стало образцом для подражания всех остальных народов: “Неевропейские государства или подражали европейской модели, чтобы выжить, или, в противном случае, проходили через колониальный опыт, внедрявший значительные элементы европейской системы. Современное государство, где бы мы ни находили его сегодня, основано на модели, возникшей в Европе в период между 1100 и 1600 годами”. В самой же Европе, по мнению Стрэйера, большинство государств следовали французскому образцу¹⁰. Ниже мы вернемся к этой гипотезе о “диффузии” западноевропейской формы государства.

По мере выхода новых исследований, посвященных формированию государств Нового времени, круг стран, попадавших в поле зрения ученых, постепенно расши-

⁴ О растущем интересе историков к концепциям модерна и модернизации в 1960–1970-х годах см. *Nolte P. Modernization and Modernity in History*. — *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, 2001, v. 15, p. 9956.

⁵ *Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State*. Princeton (N.J.), 1970.

⁶ *Näf W. Frühformen des “modernen Staates” im Spätmittelalter*. — *Historische Zeitschrift*, Bd. 171, 1951, S. 225–243.

⁷ *Guenée B. Y-a-t-il un État des XIVe et XVe siècles?* — *Annales ESC*. 26e année, № 2, 1971, p. 399–406; *idem. L’Occident aux XIVe et XVe siècles: les États*. Paris, 1971.

⁸ *Strayer J.R. Op. cit.*, p. 5–9.

⁹ *Ibid.*, 26, 27, 35.

¹⁰ *Ibid.*, p. 12, 53.

рялся. Так, Дж. Шеннан, решив проследить постепенную деперсонализацию власти с XV в., когда личная воля монархов была главным источником власти в Европе, до начала XVIII столетия, когда “идея безличного государства как объекта всеобщего служения и уважения со стороны и правителей, и управляемых была близка к кристаллизации”, изучил этот процесс на примере России, Франции, Испании, Италии, Англии, Дании, Швеции и Нидерландов указанного времени. Примечательно, что британский историк рассматривал описываемые им “кейсы” как варианты в рамках общей модели, в которой Франция и Испания занимали место на одном конце спектра, а Россия – на противоположном, в то время как Англия располагалась где-то посередине¹¹.

Иную модель государства раннего Нового времени, но также в общеевропейском масштабе предложил в своей книге о путях формирования абсолютизма П. Андерсон. Рассматривая эту проблему в марксистской перспективе, в основу анализа он положил классовую структуру изучаемых обществ в эпоху кризиса феодальных отношений. Андерсон подверг ревизии знаменитый тезис исторического материализма об абсолютизме как продукте временного равновесия сил между старой землевладельческой аристократией и поднимающейся буржуазией¹². По мнению ученого, на протяжении всей эпохи раннего Нового времени господствующим классом как в экономике, так и в политике оставалась феодальная аристократия. Однако ей пришлось приспособиться к новым товарно-денежным отношениям, чтобы сохранить свое господство и над крестьянством, и над городской буржуазией¹³.

Европейский абсолютизм, по Андерсону, существовал в двух видах: западном и восточном. Социальной опорой западноевропейского абсолютизма служило крестьянство, уже освобожденное от крепостной зависимости, и влиятельные города; а на востоке Европы абсолютизм строился на основе крепостного права в деревне и порабощенных городах. Но помимо эндогенных факторов, важную роль в объяснении генезиса восточноевропейского абсолютизма британский историк отводил причинам геополитического характера, указывая на решающее влияние Западной Европы на формирование государственных структур ее восточных соседей. По словам Андерсона, “международное давление западного абсолютизма, как политического аппарата более мощной феодальной аристократии, управлявшего более развитыми обществами, вынудило восточную знать создать такую же централизованную государственную машину, для того чтобы выжить”¹⁴.

Попытка объяснить геополитическими факторами формирование в Восточной Европе той же политической “надстройки” (абсолютистского государства), что и на Западе – при отсутствии в странах к востоку от Эльбы соответствующего экономического “базиса”, – выглядела явной натяжкой в труде марксистского историка. Характерна также оговорка Андерсона об ошибочности самого термина “абсолютизм”, поскольку “ни одна западная монархия никогда не получала абсолютную власть над своими подданными в значении неограниченного деспотизма”¹⁵. Как оказалось, эта фраза предвосхитила дальнейшее развитие историографии по упомянутой проблеме. Критические аргументы историков 1980-х годов обобщил Н. Хеншелл в книге “Миф абсолютизма” (1992)¹⁶. И хотя некоторые историки продолжают настаивать на полез-

¹¹ *Shennan J.H.* The Origins of the Modern European State 1450–1725. London, 1974, p. 9, 59.

¹² Интересно, что незадолго до выхода в свет книги Андерсона вопрос о “классовом равновесии” стал поводом к большой дискуссии советских историков об абсолютизме, прошедшей в 1968–1971 гг. на страницах журналов “Вопросы истории” и “История СССР”. Итоги дискуссии подвел ее инициатор А.Я. Аврех в статье с выразительным названием “Утраченное равновесие” (История СССР, 1971, № 4, с. 60–75).

¹³ *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М., 2010, с. 17–20, 23 (на языке оригинала книга Андерсона была впервые издана в 1974 г.)

¹⁴ Там же, с. 169, 185.

¹⁵ Там же, с. 47.

¹⁶ См. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003.

ности этого термина в ограниченном, прежде всего юридическом смысле¹⁷, уже ясно, что понятие “абсолютизм” не может служить концептуальной рамкой общеевропейской модели государства раннего Нового времени.

С большим успехом на роль такой модели претендовала концепция военно-налогового происхождения государства, выдвинутая американским социологом Ч. Тилли в середине 1970-х годов: “Война порождала государство, а государство – войну”, – писал Тилли в изданном под его редакцией сборнике “Формирование национальных государств в Западной Европе”. Поясняя свою мысль, ученый указывал на то очевидное обстоятельство, что успех в войне был необходимым условием выживания государств. Более того, строительство эффективной военной машины ложилось тяжелым бременем на население в виде налогов, воинской повинности, реквизиций и т.д.; оно также произвело средство, с помощью которого правительство могло навязывать свою волю вопреки сопротивлению, а именно армию. Таким образом, военное строительство “способствовало территориальному объединению, централизации, дифференциации инструментов управления и монополизации средств принуждения, – всем фундаментальным процессам формирования государства”¹⁸.

Здесь очевидно влияние веберовской традиции на концепцию Тилли: в своем ставшем классическим определении государства М. Вебер назвал ключевым его признаком успешное притязание на “монополию легитимного физического насилия”¹⁹, а Н. Элиас впоследствии развил это положение, дополнив монополию государства на насилие монополией на сбор налогов²⁰.

Вместе с тем Ч. Тилли признавал односторонность избранного им и его коллегами подхода: во-первых, они отдали предпочтение большим государствам перед малыми, а также тем государствам, которые пережили XVIII столетие, а не тем, которые исчезли в ходе многочисленных войн. А во-вторых, Тилли и его сотрудники, сосредоточив внимание на военно-полицейской и экстрактивной сторонах деятельности государства, упустили из виду такие важные институты, как церковь и религиозные организации, а также законодательство и право²¹. (К этим упущениям, признанным самим редактором, рецензент книги британский историк Дж. Элтон добавил еще и идеологию национализма.)²²

Тем не менее Тилли и в дальнейшем считал войну движущей силой формирования государств. В изданной в начале 1990-х годов книге он применил избранный им подход к тысячелетней истории Европы (от X до конца XX в.), добавив к военному фактору капитал в качестве второй переменной²³.

Конечно, историк раннего Нового времени не станет оспаривать важнейшую роль войны в жизни Европы той эпохи: достаточно вспомнить, например, бедствия Тридцатилетней войны, огромные армии на полях сражений и непомерные военные расходы, опустошавшие казну воюющих держав. О так называемой “военной революции” за последние годы много написано²⁴; и представление о формировании “военно-фискаль-

¹⁷ См., например: *Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. Histoire et historiographie.* Paris, 2002.

¹⁸ *Tilly C. Reflections on the History of European State-Making. – The Formation of National States in Western Europe.* Princeton, 1975, p. 42.

¹⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 645.

²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования, т. 2. М. – СПб., 2001, с. 103–105.

²¹ *Tilly C. Op. cit.*, p. 48–49.

²² *Elton G.R. Review of The Formation of National States in Western Europe. – The Journal of Modern History*, 1977, v. 49, № 2, p. 294.

²³ *Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009 (ориг. изд. – 1992 г.).*

²⁴ См.: *Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800.* 2nd ed. Cambridge, 1996; *Brewer J. The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783.* Cambridge (Mass.), 1990; *Tallett F. War and Society in Early-Modern Europe, 1495–1715.* London – New York, 1992; *Glete J. War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660.* London – New York, 2002.

ного государства” в рамках общей эволюции европейских государств уже стало, по выражению Р. Бонни, своего рода трюизмом²⁵. Однако далеко не ко всем государствам раннего Нового времени, даже крупным, приложимо определение “военно-фискальное”: Речь Посполитая, например, явно под него не подходит. То же следует сказать и об Англии при Тюдорах и первых Стюартах: до 1640-х годов страна обходилась без сухопутной армии (ее заменяло ополчение), а штат чиновников был очень невелик. Лишь в середине XVII в. в Англии началась “военная революция”, а применительно к предшествующей эпохе деятельность центрального правительства в военной и финансовой сфере, как отметил М. Брэddик, обычно в историографии оценивается негативно, в то время как в местном управлении государственный аппарат, напротив, выглядит активным и всепроникающим²⁶.

Как свидетельствует исторический опыт Англии, “военно-фискальное государство” не было изначальной и повсеместной формой государства раннего Нового времени. Более того, как показано в процитированной выше книге Брэddика, нет необходимости отождествлять это государство с централизованной машиной, находившейся в столице и занимавшейся главным образом сбором средств для будущей войны. Основной объект внимания исследователя — должностные лица на местах, которые осуществляли политическую власть и образовывали территориально организованную и координируемую из центра сеть; и хотя эти должности не были бюрократическими по форме, сеть в целом вполне может быть названа (и по меркам социологической теории, и по понятиям современников) государством. Подобное “эластичное” (по словам самого автора) определение государства, вдохновленное работами антропологов²⁷, представляется мне ценным вкладом в изучение интересующей нас проблемы.

Самый масштабный проект по изучению государства раннего Нового времени и его истоков стартовал в 1984 г. при поддержке Национального центра научных исследований Франции (CNRS), а затем работа над ним финансировалась Европейским научным фондом (ESF). Проект, более известный под своим французским названием — “La genèse de l’État moderne”, — объединил усилия ученых многих стран. За годы его реализации (1984—1992) состоялось более десятка конференций и “круглых столов”, материалы которых были впоследствии опубликованы²⁸. Коллективное исследование завершилось изданием семитомной серии книг под общей редакцией В. Блокманса и Ж.-Ф. Жене; тома вышли в 1995—2000 гг. в издательстве Оксфордского университета²⁹.

Исследовательский проект, посвященный генезису современного государства, впечатляет прежде всего богатством и разнообразием представленного эмпирического материала, широтой хронологических (XIII—XVIII вв.) и географических рамок: наряду с уже традиционными для данной темы экскурсами в историю Англии и Франции,

²⁵ Bonney R. Introduction: The Rise of the Fiscal State in Europe, p. 1200–1815. — The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815. Oxford — New York, 1999, p. 10.

²⁶ Braddick M.J. State Formation in Early Modern England, p. 1550–1700. Cambridge, 2000, p. 14.

²⁷ Ibid., p. 15, 17.

²⁸ Список публикаций в рамках проекта, вышедших к 1990 г., см.: L’État moderne: genèse. Bilans et perspectives: Actes du Colloque tenu au CNRS à Paris les 19–20 septembre 1988. Paris, 1990, p. 308–350. Несколько важных сборников вышло в 1990-х годах, см.: Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l’État moderne. Actes du colloque organisé par la Fondation européenne de la science et l’Ecole française de Rome. Roma, 1993; L’État ou le roi: les fondations de la modernité monarchique en France, XIVe–XVIIe siècles. Paris, 1996; L’État moderne et les élites, XIIIe–XVIIIe siècles. Paris, 1996.

²⁹ The Origins of the Modern State in Europe, 13th to 18th Centuries. Тома серии: Economic Systems and State Finance. Oxford, 1995; Power Elites and State Building. Oxford, 1996; The Individual in Political Theory and Practice. Oxford, 1996; Legislation and Justice. Oxford, 1997; Resistance, Representation, and Community. Oxford, 1997; Iconography, Propaganda, and Legitimation. Oxford, 1998; War and Competition between States. Oxford, 2000.

были приведены данные по истории Испании, Италии, германских государств, скандинавских стран и Польши (Россия по не вполне ясным причинам осталась за рамками этого исследования).

Однако, на мой взгляд, проект не вполне достиг своих целей: заявленный организаторами как сравнительный³⁰, он так и не привел к плодотворному сопоставлению опыта государственного строительства разных стран и регионов Европы; обширный собранный материал не был обобщен, итоговая концепция не выработана. Поскольку многолетняя коллективная работа не увенчалась изданием обобщающего труда, о концепции, положенной в основу всего научного предприятия, приходится судить по рабочей программе проекта и статьям его инициаторов и руководителей, прежде всего Жана-Филиппа Жене.

В рабочей программе, изданной в 1990 г., ее составители (В. Блокманс, Ж.-Ф. Жене и К. Мюльберг) так определили тему исследования: “Государства Нового времени (Modern States) в Европе характеризуются деперсонализацией суверенитета; правитель может по-прежнему обладать значительной властью, но эта власть может осуществляться только служащими и бюрократами, которые применяют правила, независимые от личных предпочтений правителя. Достаточный уровень концентрации капитала и способность утверждать власть силой и принуждением должны рассматриваться в качестве необходимых предпосылок для достижения этой степени государственной организации”³¹.

Эта характеристика несет на себе явный отпечаток идей М. Вебера, Н. Элиаса и Ч. Тилли. Еще заметнее влияние теории американского социолога проявилось в “оперативной модели” современного государства, которую в том же 1990 г. предложил Ж.-Ф. Жене. Согласно его гипотезе, “государство родилось между 1280 и 1360 гг., когда, столкнувшись с [ситуацией] непрерывных войн, короли и князья Запада пожелали и смогли призвать тех, кто проживал на их землях, к участию – лично и своим имуществом – в защите и обороне сообщества”. Война, продолжает французский историк, являлась “мотором” возникавшей политической системы, а налоги служили для нее “источником энергии”³². К этим двум элементам – войне и налогам, – живо напоминающим концепцию Ч. Тилли, добавляется третий, заимствованный из веберовской теории, – легитимность, которая, по мнению Ж.-Ф. Жене, составляет существенную черту современного государства. Мало-помалу социальная элита смирилась с существованием налогов, и чтобы понять, как происходило принятие подданными тягот, налагаемых государством, считает Ж.-Ф. Жене, важно обратить внимание на механизмы культуры: идеологическую легитимацию и формирование общественного мнения³³.

Уязвимость постулируемой Ч. Тилли и вслед за ним Ж.-Ф. Жене каузальной связи между войной и строительством государства заключается в том, что, как заметил Дж. Уоттс, связь эта обратима: войны XIV–XV вв. были не только причиной, но и следствием политического развития, роста административного аппарата и т.д.³⁴ Почти полвека назад о том же писал Дж. Стрейер: “До некоторой степени успех правителей XIII в. в деле государственного строительства сделал войны XIV столетия необходимыми и возможными”³⁵.

В статье, опубликованной в 1997 г., Ж.-Ф. Жене внес некоторые уточнения в свою концепцию. То, что ранее представлялось как “начальная гипотеза”, теперь стало “рабочим определением” современного государства, в котором автор выделяет уже знакомые нам элементы: 1) государство, т.е. форма социальной организации, обеспечивающая

³⁰ L'État moderne: genèse. Bilans et perspectives, p. 286.

³¹ Ibid., p. 285.

³² Genet J.-P. L'État moderne: un modèle opératoire? – L'État moderne: genèse. Bilans et perspectives, p. 261–263.

³³ Genet J.-P. L'État moderne, p. 269, 270.

³⁴ Watts J. The Making of Polities: Europe, 1300–1500. Cambridge, 2009, p. 23, 29.

³⁵ Strayer J.R. Op. cit., p. 61.

безопасность своих граждан или подданных и располагающая для этого если не монополией, то контролем над правосудием и военной силой; 2) материальная база, основанная на публичной системе налогов; 3) эта система принимается политическим обществом (элитой) и т.д. Но далее Жене поясняет, что термин “модерное” здесь лишь сбивает с толку, поскольку он не соответствует ни локализации, ни точной периодизации, но характеризует определенный тип: государства Генриха VIII или Людовика XIV не были ни более, ни менее “модерными”, чем предшествовавшие им государства Эдуарда III или Карла V. К сожалению, эти типологические наблюдения не получили пока дальнейшего развития. Жене уточнил также время и место “рождения” современного государства: 1250–1350 гг., монархии Западной Европы (Англия, Шотландия, Франция, Кастилия, Арагон, Наварра, Португалия). Оттуда, по словам историка, “модель распространяется в Германию, Италию, Центральную Европу, а затем – в Скандинавию”³⁶.

Как видим, Жене использует ту же гипотезу “диффузии” западноевропейской модели государства в другие страны и регионы, которую ранее выдвинул Дж. Стрэйер. Гипотеза, однако, не имеет под собой серьезных оснований, поскольку ни Стрэйер, ни Жене не описали механизм подобного распространения государственных институтов из Западной Европы в другие части континента в рассматриваемый период. Хорошо известны случаи заимствования юридических кодексов и отдельных правовых норм, военных и инженерных технологий, образовательных учреждений (университетов). И распространение Реформации в XVI в. – тоже исторический факт. Но можно ли себе представить заимствование целиком формы правления, налоговой системы и характера отношений государя с его подданными, например, монархами Восточной Европы у их западных “коллег”? Мне, во всяком случае, подобные примеры неизвестны.

Аргументация Жене становится чуть более конкретной, когда он говорит о том, что “рождение” современного государства следует рассматривать в длительной временной перспективе – от феодальных монархий до великих перемен середины XVII в., а для европейской периферии – еще позднее: конец XVII–XVIII в. для России, XIX в. – для Османской империи. Конкуренция между государствами, подчеркивает историк, подталкивала все страны к тому, чтобы попытаться приспособить к себе, с большим или меньшим успехом, модель современного государства³⁷. Таким образом, в ход идет аргумент из арсенала геополитики, который ранее (и тоже не вполне убедительно) пытался использовать П. Андерсон в своей книге о европейском абсолютизме.

Впрочем, точка зрения Жене по поводу эволюции российской государственности не вполне ясна: из приведенного выше его суждения вроде бы следует, что “рождение” современного государства в нашей стране началось в петровскую эпоху; однако далее в той же статье ученый, подчеркивая отличие своей концепции от веберовского понятия модернизации, прямо утверждает, что “Пётр Великий отнюдь не создал современного государства тем, что он модернизировал структуры Российского государства”³⁸. А в более ранней статье Жене высказался еще более определенно: «Авторитарной наклейки (*le plaquage autoritaire*) неких атрибутов современного государства на социальную структуру, совершенно отличную от той, что дала жизнь современному государству, недостаточно, чтобы его создать. Это очевидно применительно к некоторым странам Восточной Европы и особенно применительно к России XVIII века, которая “напоминает” современное государство, не являясь им»³⁹.

Возможно, при более внимательном знакомстве с историей России XVII–XVIII вв. Жене увидел бы картину, не столь уж далекую от предложенной им модели “*L’État moderne*”, но можно ли этого требовать от французского медиевиста – специалиста по

³⁶ *Genet J.-P.* La genèse de L’État moderne. Les enjeux d’un programme de recherche. – Actes de la recherche en sciences sociales, v. 118, juin 1997, p. 4–6.

³⁷ *Ibid.*, p. 6.

³⁸ *Ibid.*, p. 8.

³⁹ *Genet J.-P.* L’État moderne, p. 279.

средневековой Англии, если сами историки России еще только начинают сопоставлять изучаемый ими материал с приметами европейского государства раннего Нового времени⁴⁰? Однако суть проблемы, на мой взгляд, в другом: концепция “L’État moderne” Ж.-Ф. Жене внутренне противоречива. С одной стороны, она предполагает процесс формирования политических институтов Нового времени, который постепенно охватывает всю Европу, а затем распространяется даже на Османскую империю. С другой же стороны, Жене недвусмысленно дает понять, что “настоящее” модерное государство может возникнуть только на соответствующей социальной основе, которая имела в средневековых монархиях Запада; на восточной же периферии Европы возможно лишь заимствование внешних “модерных” атрибутов. Таким образом, предложенная французским историком модель является по преимуществу западноевропейской, и для описания процесса формирования государства в других частях Европы она малоприменима.

Как видно из проведенного историографического обзора (по необходимости краткого и сфокусированного главным образом на наиболее крупных обобщающих работах), на данный момент мы не располагаем обобщающей моделью европейского государства раннего Нового времени. Ни подвергнутая в последние десятилетия серьезной ревизии идея абсолютизма, ни всё еще популярная концепция военно-фискального государства не могут, на мой взгляд, стать основой такой модели — не только по причине вызываемых ими научных разногласий, но прежде всего потому, что обе теории применимы отнюдь не ко всем странам Европы изучаемого периода и описывают лишь некоторые аспекты интересующей нас проблемы. Не свободна от недостатков и ограничена, по сути, рамками Западной Европы и рассмотренная выше концепция Ж.-Ф. Жене.

Между тем выработка новой объяснительной модели представляется насущно необходимой. Прежде всего она нужна для понимания масштабов изучаемого явления: было ли государство раннего Нового времени лишь западноевропейским феноменом, или *mutatis mutandis* его существенные черты можно найти и в других регионах Европы, включая Россию? А может быть, учитывая параллели, которые некоторые исследователи (в частности, Ф. Бродель) проводили между Османской империей и европейскими государствами XVI–XVIII вв.⁴¹, перед нами явление евразийского масштаба⁴², и только привычный европоцентризм мешает нам это понять?

Выявив общие черты процессов, протекавших в раннее Новое время в разных частях Европы, можно ставить вопрос о специфике тех или иных государств. Более того, для историков отдельных стран обобщающая модель современного государства при всей ее условности станет удобным инструментом, концептуальной рамкой, задающей направления дальнейших исследований.

Поставленная задача едва ли под силу одному ученому. В заключительной части статьи я лишь попытаюсь наметить отдельные контуры европейской модели государства раннего Нового времени.

⁴⁰ Одна из первых работ, в которой проводятся прямые параллели между Московской Русью и европейскими государствами раннего Нового времени, принадлежит перу В. Кивельсон; она вышла в свет в том же году, что и цитированная выше статья Ж.-Ф. Жене. — Kivelson V.A. Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective. — *Modern Asian Studies*, 1997, v. 31, № 3, p. 636, 655, 660–661, 663.

⁴¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II, ч. 2. М., 2003, с. 443–508. См. также новейшие работы, где история Османской империи рассматривается в европейском контексте: Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, 2008; Karaman K., Pamuk S. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500–1914. — *The Journal of Economic History*, 2010, v. 70, № 3, p. 593–629.

⁴² В. Либерман, стремясь преодолеть европоцентризм и традиционную дихотомию между Европой и Азией, сравнил политическое и культурное развитие Бирмы, Сиам, Вьетнама, Франции, России и Японии между 1450 и 1830 гг. и нашел немало общего. — Lieberman V. Transcending East-West Dichotomies: State and Culture Formation in Six Ostensibly Disparate Areas. — *Modern Asian Studies*, 1997, v. 31, № 3, p. 463–546.

На данном этапе изучения вопроса представляется очевидным, что ни одно государство XVI–XVIII вв. не может считаться типичным. В частности, на эту роль не годится Англия, которая во многих отношениях представляла собой исключение: благодаря своему островному положению она веками обходилась без собственной сухопутной армии; степень бюрократизации государства была невелика, да и регулярно заседавший английский парламент отличался от многих континентальных представительных органов XVI–XVIII вв. Не стоит представлять себе общеевропейскую модель и по образцу Франции эпохи Старого порядка: хотя она демонстрирует немало черт сходства с соседней Испанией: сложный конгломерат земель (*raus*) со своими привилегиями и представительными учреждениями; многочисленная бюрократия, продажа должностей; важная роль католической церкви в поддержании престижа королевской власти, но достаточно бросить взгляд на немецкие территориальные государства, на Польшу или скандинавские страны, чтобы понять, что Франция никак не может “представлять” европейское государство начала Нового времени в целом.

Важно также избежать соблазна телеологии: как отметил Дж. Уоттс, историография долгое время не могла избавиться от наследия националистического дискурса XIX в. со свойственной ему склонностью искать в прошлом истоки существующих сейчас национальных государств. Отсюда преимущественный интерес к европейским монархиям, ставшим ядром таких государств, к деятельности королей и их министров, в то время как пытавшиеся сохранить свою обособленность города, территориальные княжества, магнаты, бунтовщики и фронтеры оставались в тени, а их роль недооценивалась⁴³. Этот взгляд на историю с позиции “победителей” вполне характерен для работ Ч. Тилли, но и в коллективном проекте по изучению генезиса современного государства он не был вполне преодолен, хотя в изданных под редакцией В. Блокманса и Ж.-Ф. Жене томах нашлось место и для Священной Римской империи, и для немецких, нидерландских и итальянских городов, а также отдельных немецких княжеств, вроде ландграфства Гессенского⁴⁴.

Между тем, как мне представляется, “идеальный” образ современного государства может быть только собирательным, основанным на сравнении многих стран и политических образований изучаемой эпохи. Рискну предположить, что в самых общих чертах государство раннего Нового времени можно охарактеризовать, используя терминологию Вебера, как переходную форму от патримониальной монархии к легальному и бюрократическому порядку, утвердившемуся в Европе только в XIX в. Это переплетение публичной власти и частных интересов, канцелярского крючкотворства и придворных интриг, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления встречается на каждом шагу в Европе XVII–XVIII вв., от Испании на западе до России на востоке.

В финансовой сфере упомянутый переходный характер раннемодерного государства выразился в постепенной замене в структуре доходов казны средств от эксплуатации королевского домена налоговыми поступлениями. Саму идею перехода от “домениального государства” (*Domänenstaat*) к “налоговому государству” (*Steuerstaat*) высказал еще в 1918 г. австрийский экономист Й. Шумпетер; по его мнению, этот переход произошел в XVI в. Современные исследователи считают эту модель слишком упрощенной; по словам Р. Бонни, она больше подходит к германским княжествам, чем, например, к Франции, где прямое налогообложение стало постоянным уже после 1439 г.⁴⁵ Тем не менее с некоторыми коррективами модель Шумпетера и его терминология продолжают использоваться в историографии⁴⁶.

⁴³ *Watts J.* Op. cit., p. 29–30.

⁴⁴ См.: *Resistance, Representation, and Community*, part V: The Urban Belt and the Emerging Modern State; *Willoweit D.* The Holy Roman Empire as a Legal System. – *Legislation and Justice*, p. 123–129; *Nehlsen-von Stryk K.* The Centralization of Justice and the Formation of a Judicial Hierarchy in the Early Modern State: The Principality of Hesse. – *Legislation and Justice*, p. 131–157.

⁴⁵ *Bonney R.* The European Dynastic States, 1494–1660. Oxford – New York, 1991, p. 352 (там же приводится мнение Шумпетера).

⁴⁶ См. *Petersen E.L.* From Domain State to Tax State. – *Scandinavian Economic History Review*, 1975, v. 23, № 2, p. 116–148; *Bonney R.* Introduction, p. 13.

К концу Средневековья регулярные налоги являлись основным источником доходов казны только в трех королевствах Запада (Англии, Франции и Кастилии) и некоторых итальянских городах-государствах. Все остальные европейские государства оставались, по терминологии Шумпетера, “домениальными”. В ряде немецких княжеств, в частности, в Гессене, переход к “налоговому государству” происходил в течение XVI столетия, а в Скандинавии – еще позднее: по имеющимся данным, в 1630 г. 44,8% совокупного дохода Швеции и 36,9% дохода Дании по-прежнему поступали из королевского домена⁴⁷. По мнению Э.Л. Петерсена, Дания оставалась “домениальным государством” по крайней мере до последних лет правления Кристиана IV (1588–1648), а процесс перехода к “налоговому государству” затянулся там до конца XVII в., причем некоторые существенные “домениальные” черты сохранялись до полной ликвидации королевских владений в конце XVIII в. А такое, по словам В. Шульце, «явно “модерное” государство, как Пруссия», еще в 1778/79 г. могло почти половину своих доходов получать из домена⁴⁸. Медленным был переход от “вотчинного” к “налоговому государству” и в России.

Таким образом, типичное государство раннего Нового времени использовало *разные* источники дохода: прямые и косвенные налоги, средства от эксплуатации коронных земель, займы и т.д. Это важно подчеркнуть в связи с попыткой Ж.-Ф. Жене представить ранний опыт Англии и Франции, уже в XIII–XIV вв. перешедших к постоянному налогообложению, в качестве общеевропейской модели современного государства. На самом же деле, как справедливо отметил В.М. Ормрод, описанный Жене пример является одним из многих путей финансового и политического развития в позднесредневековой Европе⁴⁹. Модерное государство вырастало на разной материальной почве: в более урбанизированной и монетизированной экономике Запада такой основой стали налоги и займы, а на севере и востоке Европы нехватку денежных средств отчасти восполняли доходы от коронных земель и разнообразные регалии.

Непременным атрибутом государства раннего Нового времени обычно считается нарождавшаяся бюрократия. Однако, на мой взгляд, точнее в данном случае говорить о делегировании властных полномочий и постепенной деперсонализации управления. Что же касается собственно бюрократии, то формы ее организации и численность варьировали от страны к стране. Самым многочисленным штатом служащих располагало, по-видимому, Французское королевство: при восшествии на престол Франциска I в 1515 г. в стране насчитывалось чуть более 4 тыс. обладателей должностей (оффисье); к 1573 г. их количество выросло до 20 тыс., в 1665 г. составило 46 тыс., а в 1771 г. – 51 тыс.⁵⁰ Бюрократический аппарат Англии в начале Нового времени был гораздо скромнее: по подсчетам британских историков, в правление Елизаветы (1558–1603) на службе находилось не более 1 тыс. чиновников, получивших королевское жалованье, из них всего несколько сот находились за пределами столицы⁵¹. Немногочисленным был и штат дьяков (приблизительно соответствовавших секретарям канцелярий западноевропейских стран) в России конца XVI – первой половины XVII в.: между 1588/89 и 1646 гг. численность приказных (столичных) и городских дьяков в общей сложности составляла от 70 до 90 человек⁵².

Зато в сфере местного управления царские власти, как и английское правительство, охотно возлагали разнообразные обязанности на представителей провинциаль-

⁴⁷ *Schulze W.* The Emergence and Consolidation of the “Tax State”. I. The Sixteenth Century. – *Economic Systems...*, p. 263, 270–271.

⁴⁸ *Petersen E.L.* Op. cit., p. 126; *Schulze W.* Op. cit., p. 263–264.

⁴⁹ *Ormrod W.M.* The West European Monarchies in the Later Middle Ages. – *Economic Systems...*, p. 123.

⁵⁰ *Cosandey F., Descimon R.* Op. cit., p. 110.

⁵¹ *Braddick M.J.* Op. cit., p. 27.

⁵² Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006, с. 261–262.

ного дворянства, не получавших за это жалованья: так, полицейские функции в Московском государстве XVI–XVII вв. были поручены губным старостам, избиравшимся из числа уездных детей боярских⁵³. В них можно видеть некоторый аналог английских мировых судей.

Конечно, европейские государства XVI–XVIII вв. управлялись не только бюрократическими методами. Уместно напомнить о широко развитой во Франции и Испании системе продажи должностей, о процветавшем в допетровской России институте кормлений, о фаворитизме и протекционизме, без которых невозможно себе представить политическую жизнь той эпохи. Показательны также споры отечественных ученых о терминологии: уместно ли, например, французский термин “*officier*” переводить русским словом “чиновник”⁵⁴, а царских дьяков считать бюрократами⁵⁵? Подобные вопросы волнуют и зарубежных историков: например, некоторые британские исследователи, говоря об Англии XVI – начала XVII в., предпочитают термин “прото-бюрократия”⁵⁶.

Однако при любой оценке степени бюрократизации государств того времени несомненно, что сотни и тысячи дворян и представителей буржуазии в разных странах (в России вместо буржуазии стоит говорить о купеческой верхушке) в той или иной форме вовлекались в государственное управление. Тем самым усиливалось проникновение государства в повседневную жизнь людей, которые всё больше осознавали свою принадлежность к некоему политическому сообществу. В России этот важный сдвиг в общественном сознании произошел за небольшой по историческим меркам период: еще в 1477 г. Иван III, диктуя новгородцам условия капитуляции, употребил, если верить летописцу, выражение “мое государство”, имея в виду свою власть и достоинство, а чуть более века спустя, в начале XVII столетия, московские служилые люди говорили о “нашем Российском государстве”, явно ассоциируя себя с этой политической общностью⁵⁷.

Одним из важных наблюдений, сделанных в результате коллективного исследования генезиса современного государства, стал вывод о значительном влиянии народного представительства и коллективных петиций на текущую политику и законодательство ряда европейских государств (Англии, Швеции и некоторых немецких княжеств). Более того, по мнению П. Бликле, С. Эллиса и Э. Эстерберга, которым принадлежит это наблюдение, само право на подачу петиций – отличительная черта европейской государственности, неизвестная Османской империи и азиатским странам⁵⁸. Не берусь судить о наличии упомянутого явления в странах Азии, но в России XVII в. коллек-

⁵³ О губных старостах в XVII в. см. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

⁵⁴ Так, В.Н. Малов отвечает на этот вопрос отрицательно, предпочитая русскую транскрипцию слова “оффисье”, а С.К. Цатурова, возражая ему, считает слово “чиновник” вполне подходящим эквивалентом упомянутого французского термина. См.: *Малов В.Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма. – *Французский ежегодник 2005.* М., 2005, с. 100; *Цатурова С.К.* Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *quod principi placuit*). – Там же, с. 130–131, 147–149.

⁵⁵ Интересно, что в двух почти одновременно вышедших монографиях о дьяках начала XVII в. на сей счет высказаны противоположные мнения: Д.В. Лисейцев отказывается называть дьяков “бюрократами”, предпочитая термин источников – “приказные люди”, а Н.В. Рыбалко, напротив, видит в термине “бюрократия” вполне адекватное обозначение приказных дельцов изучаемого времени. – *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. – Тула, 2009, с. 554; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011, с. 17.

⁵⁶ См. *Braddick M.J.* Op. cit., p. 27.

⁵⁷ Подробнее см. *Кром М.М.* Рождение “государства”: из истории московского политического дискурса XVI века. – *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века.* СПб., 2006, с. 54–69.

⁵⁸ *Blickle P., Ellis S., Österberg E.* The Commons and the State: Representation, Influence, and the Legislative Process. – *Resistance...*, p. 151.

тивные петиции, или, как их называли на Руси, “челобитные”, были широко распространены; они, в частности, оказали непосредственное влияние на составление свода законов страны – Уложения 1649 г.⁵⁹ Таким образом, похоже, перед нами действительно общеевропейская традиция.

Еще одна примета раннего Нового времени – прошедшая по всей Европе унификация религиозной жизни, которая всюду была поставлена под государственный контроль. Не только в протестантских странах, но и в православной России руководство церковью и распоряжение ее имуществом сначала де-факто, а затем (при Петре I) – де-юре перешли в руки монарха⁶⁰.

Типологическое сходство, обнаруживаемое между государствами раннего Нового времени, отнюдь не означает отсутствия серьезных различий между ними. При этом некоторые из них носили региональный характер: многие признаки современного государства, появившиеся на Западе еще в эпоху Средневековья, стали заметны на севере и востоке Европы значительно позднее. Об этом уже шла речь выше в связи с формированием налоговой системы. То же справедливо и в отношении идеи суверенитета: в Англии и Франции, по наблюдениям Дж. Стрэйера, эта идея проявила себя уже около 1300 г.⁶¹, а в России она возникает лишь во второй половине XV в.⁶²

В той же хронологической последовательности, с запада на восток, формировались сословно-представительные учреждения. В конце XII–XIII вв. сложились кортесы пиренейских королевств (Кастилии, Каталонии, Арагона, Валенсии)⁶³; в 1265 г. возник английский парламент, в 1302 г. впервые собрались французские Генеральные штаты. Но в Центральной, Северной и Восточной Европе решающий этап формирования сословно-представительных органов пришелся на XV–XVI вв. Так, в Венгрии заседания Государственного собрания, на которые помимо баронов, прелатов и членов Королевского совета приглашались также дворяне и бюргеры, стали регулярно проводиться с середины XV в. Со второй половины того же столетия вошли в практику сословные съезды в Дании (в XVI в. их иногда тоже именовали государственными собраниями – ригсдагами)⁶⁴. Хотя по традиции первым шведским риксдагом принято считать собрание в Арбуге в 1435 г.⁶⁵, постоянным учреждением риксдаг стал лишь при Густаве Вазе в 1520-х годах⁶⁶. Польский сейм регулярно созывался с 1493 г.⁶⁷ Наконец, недолгая история московских соборов (в историографической традиции именуемых “земскими”) началась в середине XVI в. и продолжалась (с перерывами) до 1680-х годов⁶⁸.

Историки европейского парламентаризма дают весьма нелестную оценку земским соборам, называя их простым орудием в руках царской власти и указывая на нерегулярность их созывов и отсутствие “правильного” представительства⁶⁹. На это можно

⁵⁹ См. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978, с. 297–305.

⁶⁰ См. подробнее: *Седов П.В.* “Всё де ныне государево”: традиции и новации в церковной реформе Петра I. – Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013, с. 122–142.

⁶¹ *Strayer J.R.* Op. cit., p. 9, 36, 44, 53.

⁶² См. *Peltz W.* Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Góra, 1994, s. 185–188, 193–196, 218–221, 232–233. См. также: *Филиошкин А.И.* Титулы русских государей. М. – СПб., 2006, с. 55–59, 63–67.

⁶³ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011, с. 421–422.

⁶⁴ Там же, с. 480, 533.

⁶⁵ История Швеции. М., 1974, с. 124.

⁶⁶ *Blickle P., Ellis S., Österberg E.* Op. cit., p. 122–123.

⁶⁷ *Bonney R.* The European Dynastic States, p. 317–318.

⁶⁸ *Черепнин Л.В.* Указ. соч., с. 382–384.

⁶⁹ *Myers A.R.* Parliaments and Estates in Europe to 1789. London, 1975, p. 39–47; *Bonney R.* The European Dynastic States, p. 318.

возразить, что в XVII в. соборы созывались гораздо чаще, чем французские Генеральные штаты, которые, как известно, после 1614 г. в следующий раз собрались лишь в 1789 г., а их история богаче яркими событиями, чем, например, история датского ригсдага, распущенного после абсолютистского переворота 1660 г.⁷⁰ Но для нашей темы важнее то, что по своему происхождению (из расширенного государева совета — Думы), составу (члены Думы, иерархи церкви, представители дворянства и иногда купечества) и функциям (избрание царей в 1598 и 1613 гг., обсуждение вопросов войны и мира, принятие законов (1649) и даже вотирование чрезвычайных налогов в 1614–1618 гг.) соборы обнаруживают несомненное “семейное сходство” с представительными учреждениями других стран.

Дело, однако, не только в более позднем оформлении государственных институтов Нового времени в странах Центральной, Восточной и Северной Европы по сравнению с Западом. В аграрных и слабо урбанизированных регионах складывались условия для долгой консервации патримониальных отношений. Поэтому вряд ли случайно установление крепостного права в Польше, Венгрии, Чехии, Восточной Германии, Дании, России. Наконец, прямой проекцией патримониализма на политическую сферу стали абсолютистские режимы, порой принимавшие в некоторых странах Центральной и Восточной Европы откровенно деспотические формы. И если Россия под властью царей приближалась, по выражению Дж. Шеннана, к гоббсовскому Левиафану⁷¹, то нечто подобное самодержавию, только в более скромных масштабах, можно было найти в Бранденбурге-Пруссии и иных германских княжествах, владельцы которых распоряжались ими по собственному произволу⁷².

Единство в многообразии — так можно охарактеризовать модель европейского государства раннего Нового времени, контуры которой намечены в этой статье. Разумеется, дальнейшие исследования внесут существенные коррективы в предложенную модель, достоверность которой тем выше, чем больше конкретных “кейсов” в ней учтено. Изучение региональных вариантов “L’État moderne” и сопоставление полученных результатов — магистральный путь к пониманию этого сложного исторического явления.

⁷⁰ Властные институты и должности в Европе..., с. 535.

⁷¹ *Shennan J.H.* Op. cit., p. 56.

⁷² Ярким примером может служить раздел ландграфства Гессенского после смерти Филиппа Великодушного в 1567 г. на четыре части между его сыновьями: *Nehlsen-von Stryk K.* Op. cit., p. 152.